

III. ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.

Литературный заяцъ.

Можно бы написать большую книгу объ авторскомъ самолюбіи вообще и о сочинительскомъ самолюбіи въ особенности. Первому бываютъ подвержены люди съ талантомъ; второму—посредственность и бездарность. Въ обоихъ случаяхъ это страсть—источникъ величайшихъ страданій для одержимыхъ ею. Впрочемъ, талантъ, какъ бы ни былъ болѣзненно раздражителенъ, всегда имѣетъ свои минуты торжества, которыя по возможности ослабляютъ ѣдкую силу страданія отъ неудачъ или отъ несправедливыхъ приговоровъ, внушаемыхъ пристрастіемъ и невѣжествомъ. Но когда бездарный человѣкъ, одержимый бѣсомъ сочинительства, въ то же время исполненъ раздражительнаго самолюбія, которое, будучи въ заговорѣ съ его безвкусіемъ и невѣжествомъ, убѣждаетъ его въ томъ, что его произведенія превосходны и единодушно порицаются всѣми только по недоброжелательству, зависти и ослѣпленію: тогда взору наблюдателя представляется явленіе, столько же жалкое и страшное внутри, сколько смѣшное и комическое снаружи. Подобныя явленія подлежатъ изслѣдованію и психолога, и врача. Задорный писакъ—истинный мученикъ; онъ не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и вездѣ, во всемъ видитъ злыя противъ него намѣренія. Вы сказали при немъ, что не любите читать,—онъ обидѣлся; другой сказалъ при немъ, что не хотѣлъ бы быть литераторомъ,—онъ обидѣлся; третій сказалъ при немъ, что не любитъ романовъ и повѣстей,—онъ обидѣлся; четвертый похвалилъ при немъ какое-нибудь новое произведеніе (не его, разумѣется),—онъ обидѣлся... Несчастный, его мучитъ всякій чужой успѣхъ, его терзаетъ появленіе всякаго замѣчательнаго таланта; онъ ревнуетъ даже славѣ первоклассныхъ европейскихъ поэтовъ!.. А въ «своей литературѣ» онъ играетъ роль зайца, котораго всѣ травятъ изъ одного удовольствія травить. Выйдетъ плохое сочиненіе, совсѣмъ не имъ написанное: его сра-

иваютъ съ тѣмъ или съ другимъ изъ его сочиненій. Имя его вѣчно, кстати и некстати, подъ перомъ рецензентовъ. То онъ издастъ сочиненіе за сочиненіемъ, то на время приполкается, выжидаетъ,—и вдругъ, думая, что всѣ забыли его старые грѣхи, смѣшитъ журналы и публику изданіемъ новаго жалкаго дѣтища своей бѣдненькой фантазіи. Видя, что всѣхъ не задобиришь, онъ выбираетъ одинъ изъ наиболѣе насмѣхавшихся надъ нимъ журналовъ—и начинаетъ лѣстить ему некстати въ своихъ сочиненіяхъ; но неумолимый журналъ тѣмъ больше издѣвается надъ нимъ... Что дѣлать? Бѣднякъ рѣшается самъ сдѣлаться критиканомъ и рецензентомъ. «Меня бранили,—говоритъ онъ:—буду же и я бранить другихъ.» Но ему въ то же время хочется казаться безпристрастнымъ, и онъ считаетъ долгомъ своимъ хоть что-нибудь похвалить во всякой вздорной книжонкѣ. Впрочемъ, по сочувствію бездарности, онъ хвалитъ только одно посредственное, ничтожное, и охуждаетъ только гениальное и талантливое, да ужъ развѣ что-нибудь очень бессмысленное и безграмотное. Но онъ охуждаетъ съ «легкой ироніей», а въ самомъ дѣлѣ сонно, вяло, плоско, съ беззубыми островами и пошлыми шуточками. Однако жъ и это ему не удается. Рецензій его не принимаетъ ни одинъ журналъ; онъ издастъ ихъ отдѣльными тетрадками, которыя доставляютъ обильную пищу насмѣшливости журналовъ, а сами не идутъ, не раскупаются... Чужакомъ овладѣваетъ отчаяніе: изъ полемическаго рыцаря печальнаго образа онъ становится полемическимъ Orlando Furioso. Ему остается одно: найги пріютъ въ какомъ-нибудь изданіи. Наконецъ—о радость! издатель какого-нибудь литературнаго сора, видя въ нашемъ зайцѣ большой полемическій задоръ, предлагаетъ ему безвозмездно трудиться въ своемъ изданіи. Несчастный заяцъ радъ и самъ платитъ послѣднія деньжонки, чтобъ только печатали его статейки, даромъ же онъ готовъ работать съ плеча день и ночь. Издатель тоже радъ ему: онъ употребляетъ его